

На правах рукописи

МЕЛЬНИЧУК АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ

ФИНАЛЬНЫЙ ПАЛЕОЛИТ ПЕРМСКОГО ПРИУРАЛЬЯ

Специальность 07.00.06 – археология

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Ижевск 2007

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Пермский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук
Никитин Валерий Валентинович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Сериков Юрий Борисович
кандидат исторических наук
Волокитин Александр Васильевич

Ведущая организация - ГОУ ВПО «Сыктывкарский государственный
университет»

Защита состоится «15» мая 2007 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.01 при ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу : 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

Автореферат разослан « 13 » апреля 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
канд. ист. наук, доцент

Г.Н. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. С накоплением источников по позднему палеолиту и мезолиту в Восточной Европе и Сибири возникли проблемы в изучении дальнейших судеб палеолитического населения и генезиса мезолита. В связи с этим, начиная с 70-х гг. XX в. в исследованиях археологов распространился термин «финальный палеолит». В настоящее время понятие «финальный палеолит», как общепринятый хронологический термин, отражающий культуру древнего населения на рубеже позднего плейстоцена и раннего голоцена, активно применяется в исследовании памятников каменного века Восточной Европы. В археологии этот хронологический отрезок времени определен палеоклиматическими периодами позднеледникового (беллинг – поздний дриасс).

На территории Пермского Приуралья довольно давно (30 – 40 гг. XX в.) открыты памятники позднего палеолита и мезолита (Талицкий, 1940; Бадер, 1966). Перед исследователями сразу встал вопрос о генетическом соотношении палеолита Урала и камского мезолита. Эту проблему четко определил О.Н. Бадер в 70 –х гг. XX в. Он отмечал, что «бедность финальнопалеолитических памятников Урала, с одной стороны, и отсутствие древнейших памятников мезолита, с другой – в настоящее время затрудняет надежное решение вопроса о характере перехода к мезолиту» (Бадер, 1981). Одновременно О.Н. Бадер заключил то, что «гипотеза о местном возникновении мезолитической культуры у верхней грани плейстоцена представляется предпочтительной...», но «в настоящее время она не подкреплена фактами» (Бадер, 1981).

Медленное накопление материалов, характеризующих культуру древнего населения Пермского Приуралья на грани позднего плейстоцена и раннего голоцена, замедлило решение этой проблемы во второй половине XX в. Но за последние три десятилетия исследований в регионе (С.Н. Коренюк, Э.Ю. Макаров, А.Ф. Мельничук, П.Ю. Павлов) резко возросла источниковая база по финальному палеолиту и выявлены группы памятников рубежа позднего плейстоцена и раннего голоцена, расположенных компактно на территории Пермского Приуралья.

В научный оборот в последнее время введены материалы финальнопалеолитических памятников усть-камской культуры (Галимова, 2001), заключительной поры верхнего палеолита в Среднем Зауралье и на Южном Урале (Сериков, 2000; Нехорошев, Гиря, 2004; Котов, 2004; Широков, Волков, 2006). В Пермском Приуралье несмотря на активные исследования стоянок позднего палеолита (Павлов, 2002; 2004), материалы, характеризующие культуру древнего населения в конце позднеледникового не обобщены. Появление качественно новых материалов по финальному палеолиту Пермского Приуралья, необходимость проведения их сравнительного анализа с памятниками рубежа плейстоцена и голоцена соседних регионов, определение их исторического места в системе заключительной поры палеолита Урала и Восточно-Европейской равнины требует монографического исследования.

Объектом исследования выступают памятники финального палеолита Пермского Приуралья.

Предметом исследования является материальная культура, генезис, развитие и дальнейшая судьба памятников финального палеолита Пермского Приуралья, их генетическое соотношение с поселениями камского мезолита.

Территориальные рамки исследования ограничены административной территорией Пермской края, включающей в себя основную площадь Среднего Приуралья, западная часть которой примыкает к окраине Восточно-Европейской равнины, а восточная прислонена к Уральскому горному кряжу. Выделяются 4 района расположения памятников финального палеолита, приуроченные к бассейну р. Камы – камско-пожвинский, чусовской, камско-воткинский, предуральский.

Хронологические рамки исследования охватывают период заключительной поры верхнего палеолита, который соответствует рубежу позднего плейстоцена и раннего голоцена. В палеогеографической хронологической шкале памятники финального палеолита Пермского Приуралья расположены в пределах от беллинга (13300 – 12400 л.н.) до конца позднего дриасса (11000-10300 л.н). Верхняя хронологическая граница соответствует общепринятой в российской археологии дате формирования мезолитических культур в Восточной Европе в начале пребореальной эпохи (ок. 10300 л. н.).

Степень изученности. Период финального палеолита слабо разработан в научном плане в археологии Пермского Приуралья. Некоторые аспекты материальной культуры, проблемы хронологии и генезиса памятников финального палеолита региона рассматривались в работах О.Н. Бадера, П.Ю. Павлова, Э.Ю. Макарова, но не являлись предметом специального исследования.

Целью исследования является развернутая характеристика, на основе классификации и систематизации имеющихся материалов, памятников финального палеолита Пермского Приуралья и определение их исторического места в каменном веке Урала и Восточной Европы.

Задачи исследования: 1) введение в научный оборот новых материалов памятников финального палеолита Пермского Приуралья; 2) характеристика материальной культуры и определение особенных черт памятников финального палеолита; 3) определение места изученных памятников в финальном палеолите Урала и Восточной Европы; 4) изучение вопросов исторической судьбы финальнопалеолитической культуры Пермского Приуралья и ее генетической связи с камским мезолитом.

Методы исследования. При обработке массового каменного инвентаря памятников финального палеолита и определения их характерных черт использовался статистический метод. При описании категорий каменного инвентаря применялся формально-типологический метод. Информация, полученная в ходе использования этих методических подходов, позволила путем применения метода культурно-исторических интерпретаций создать предполагаемую модель жизнедеятельности первобытных охотников и собирате-

лей Пермского Приуралья на грани позднего плейстоцена и раннего голоцена.

Источниковой базой исследования послужили материалы полевых исследований Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета 1976 – 2005 гг., (О.Н. Бадер, С.Н. Коренюк, А.Ф. Мельничук), Пермского государственного педагогического университета (Г.Т. Ленц, А.В. Голдобин), Пермского областного краеведческого музея (В.П. Денисов, Э.В. Чурилов), Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея (Э.Ю. Макаров), Коми научного центра УрО РАН (П.Ю. Павлов). Также привлекались архивные материалы, хранящиеся в кабинете археологии Пермского государственного университета, кабинете археологии Пермского государственного педагогического университета, отделе археологии Пермского областного краеведческого музея, отделе археологии Пермского областного центра по охране и использованию памятников истории и культуры, архиве Коми научного центра УрО РАН. Для сравнительного анализа привлечены коллекции Государственного Эрмитажа, Казанского государственного университета, Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

Научная новизна работы состоит во введении в научный оборот новых материалов памятников рубежа позднего плейстоцена – раннего голоцена, выявленных в Пермском Приуралье за последние 30 лет. Автором проведена систематизация всех археологических источников по финальному палеолиту, которые позволяют впервые в археологии региона определить характерные черты материальной культуры древнего населения на грани позднего плейстоцена – раннего голоцена.

Практическая значимость работы. Материалы диссертации могут быть использованы при создании обобщающих работ по древнейшей истории Волго-Уральского региона, при написании учебников и учебных пособий, при разработке лекционных курсов по археологии и первобытной истории. Данные исследования нашли отражение в полном своде памятников археологии Пермской области и использованы при чтении лекционного курса по археологии Евразии и отдельных спецкурсов по археологии Урала на историческом факультете Пермского государственного университета. Материалы памятников Пермской области применены при создании экспозиций в Пермском областном краеведческом музее. Результаты исследования представлены в «Уральской исторической энциклопедии».

Апробация работы. Основные результаты и выводы работы обсуждались в секторе неолита и бронзы Института археологии РАН в 1988 г., г. Москва; на научных конференциях: X Уральское археологическое совещание, г. Пермь 1988 г.; региональное совещание по проблемам палеолита и мезолита Урала и Поволжья, г. Казань, 1991 г.; региональное совещание по проблемам палеолита и мезолита, г. Пермь, 1993 г.; XIV Уральское археологическое совещание, г. Челябинск, 1999; II Обнинские чтения, г. Пермь, 1999; XVI

Уральское археологические совещание, г. Пермь, 2003. Основные положения работ освещены в 12 научных публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, 4 глав, заключения и приложения, которое включает карты, схемы, иллюстрации каменного и костяного инвентаря.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, формируются цели и задачи исследования, характеризуются методы исследования, определяется круг источников, научная новизна и практическая значимость работы.

Глава I. «История изучения памятников грани позднего плейстоцена - раннего голоцена и проблема генезиса мезолита Пермского Приуралья в историографии» состоит из двух разделов.

1.1. История изучения памятников грани плейстоцена-раннего голоцена в Пермском Приуралье. В конце XIX – начале XX в. проводилась собирательская деятельность, связанная с предметами каменного века (М.В. Малахов, А.П. Иванов, Ф.А. Теплоухов). Стационарные научные исследования памятников каменного века в Пермском Приуралье были начаты в в 30-х гг. XX в. КАЭ ГАИМК (А.В. Шмидт, Н. А. Прокошев). А. В. Шмидт впервые сделал предположение о наличии памятников эпохи мезолита в Пермском Приуралье (Шмидт, 1935). Н.В. Прокошев исследовал стоянку Гремячий Ручей с инвентарем раннемезолитического облика (Прокошев, 1936). В этот период КАЭ ГАИМК вела поиски стоянок эпохи палеолита в Среднем Прикамье (Н.А. Прокошева, М.В. Талицкий, П.И. Борисковский, В.И. Громов), в результате чего в 1938 г. открыта Островская стоянка (М.В. Талицкий).

Новый этап в изучении памятников каменного века Пермского Приуралья связан с работами в конце 40 – 50-х гг. XX в. КАЭ ПГУ (О.Н. Бадера), в ходе которых выявлены памятники эпохи мезолита – Нижнее Адищево, Камо-Жуланово, Огурдино, Ольховско-Первомайская. Продолжались исследования стоянки имени Талицкого (Островская).

Работами КАЭ ПГУ в 60- х гг. XX в. (В.А.Оборин, В.П. Денисов) открыты новые мезолитические памятники, среди которых выделялось поселение Шумково в бассейне р. Сылвы (В.Ю. Лещенко, В.П. Денисов, В.А. Оборин). На нем впервые после стоянки Огурдино выявлены трапеции с выемками. Впоследствии памятник исследовалось в 1976 (В.А. Оборин, Г.Т. Ленц) и 1984 гг. (Г.Т. Ленц).Продолжалось обследование позднепалеолитических местонахождений в приустьевой части р. Чусовой и в предгорных районах Среднего Приуралья (Бадер, 1965; 1968; Близнецов 1964; 1965).В 70-90-х гг. XX в. КАЭ ПГУ активизировала работы по исследованию раннеголоценовых памятников в Пермском Приуралье. В 1984, 1993, 1995 гг. вновь исследовалось поселение Огурдино (Мельничук, 1989: 1994). Работы подтвердили взгляды О.Н. Бадера о правомерность выделения в мезолите Среднего Приуралья ранней хронологической огурдинской стадии.

Прорывом в изучении проблемы генезиса мезолита было открытие в Среднем Приуралье в бассейне р. Чусовой группы памятников финального палеолита - Горная Талица, Верхние Гари, Пеньки, Усть-Сылва, Антыбары (А.В. Голдобин., В.П. Денисов., И.К. Кирьянов., Г.Т. Ленц., А.Ф., Мельничук П.Ю. Павлов). Стоянки этого времени выявлены Э.Ю. Макаровым 1989-1999 гг. на берегах Камского водохранилища в приустьевой части рек Иньвы и Обвы - Усть-Пожва I-V, Горка, Русское Веретье, Гарчи II. В 1981-1983 гг. памятники финального палеолита (Рязанов Лог, Ягодное I, Окуловский Остров I-III) открыты С.Н. Коренюком в прибрежной зоне Воткинского водохранилища. В 2000-2002 на водораздельных пространствах бассейна р. Тулвы обнаружены памятники Кресты II, Устиново (С.Н. Коренюк, Э.Ю. Чурилов).

За годы исследования эпохи позднего палеолита и мезолита накоплен материал (26 памятников), позволяющий получить новую информацию о культуре древних охотников, обитавших на территории Пермского Приуралья на рубеже позднего плейстоцена и раннего голоцена.

1.2. Проблема генезиса мезолита Пермского Приуралья в историографии. Взгляды на проблему финального палеолита Прикамья и генезиса камского мезолита стали складываться после открытия в регионе КАЭ ПГУ (О.Н. Бадер) достоверных раннеголоценовых памятников с микролитическим инвентарем. С накоплением источников по камскому мезолиту О.Н. Бадеру удалось определить характерные черты раннеголоценовых микролитических памятников Пермского Приуралья, наметить их периодизацию и впервые на Урале поставить вопрос о проблеме их происхождения. По О.Н. Бадеру развитие камского мезолита можно было рассматривать как двухкомпонентный процесс: ранний этап (ранний мезолит) – автохтонное развитие мезолитической культуры на базе местных памятников эпохи палеолита урало-сибирского круга; поздний этап (поздний мезолит) – формирование мезолитической микролитической культуры Среднего Приуралья под влиянием «южных культурных элементов «понта - каспийского происхождения». О.Н. Бадер предполагал макролитический характер мезолитической культуры Прикамья только на ранних этапах ее развития (предогурдинский), близких к палеолитической эпохе, гипотетические памятники которых составляли «ареал реконструируемой автохтонной культуры урало-сибирского мезолита». Примерами подобных памятников в Волго-Камье он считал стоянки типа Ильмурзино и Постников овраг II (Бадер, 1966).

В своих последующих трудах О.Н. Бадер отказался от своей гипотезы о макролитическом характере перехода от палеолита к мезолиту на Урале, предполагая автохтонную трансформацию материальной культуры позднепалеолитического населения в мезолитическую, которую, по его мнению, иллюстрировали комплексы стоянок типа грота Столбового, Черноозерье II и особенно Шикаевки (Бадер, 1967; 1981).

К проблеме финального палеолита – раннего мезолита Приуралья обращался П.Ю. Павлов. Он высказал предположение, что памятники типа стоянки Горная Талица, формировались под непосредственным влиянием посе-

лений усть-камской культуры, носители которой появились в Чусовском Прикамье в период «позднеледникового потепления» (Павлов, 1996.). Интересные выводы о характере материальной культуры населения на грани позднего плейстоцена – раннего голоцена опубликованы Э.Ю. Макаровым, генезис которой он видел в памятниках поздней поры верхнего палеолита типа стоянки имени Талицкого (Макаров, 1997; 2000; 2002.).

С накоплением материалов в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье А.Х. Халиков поставил вопрос о генезисе мезолита в этом регионе, поддерживая гипотезу О.Н.Бадера о макролитическом характере каменной индустрии стоянок Волго-Камья в самом начале голоцена. По его мнению, у истоков мезолита региона стояли комплексы типа стоянки Постников овраг II, которые испытывали влияние памятников каменного века сибирского круга. А.Х. Халиков не отрицал и возможность западного влияния на формирования мезолитической культуры Волго-Камья (Халиков, 1969). Впоследствии исследователь более конкретно подчеркивал автохтонный характер генезиса мезолита Волго-Камья и выделял в регионе переходный период на грани позднего плейстоцена – раннего голоцена, датировав его в пределах X – IX тыс. до н.э. (Халиков, 1988).

Существенные материалы для изучения проблемы генезиса мезолита в Среднем Поволжье и Нижнего Прикамья опубликованы М. Г. Косменко. Это был новый для Волго-Камья пласт памятников финала палеолита и раннего мезолита типа Сюкеевский Взвоз, объединенных исследователем в рамках усть-камской культуры. Исследователь предполагал формирование ранних памятников усть-камской культуры на основе стоянок восточно-европейского палеолита. (Косменко, 1977). В настоящее время памятники этого круга изучаются М.Ш. Галимовой. Она, защищая оригинальность усть-камской культуры на окраине Восточной Европы, подчеркивает ее определенную близость к памятникам Пермского Приуралья (Горная Талица, Усть-Сылва) и некоторое сходство со стоянками позднего палеолита Верхней Волги (Алтыново, Золоторучье I) и в качестве гипотезы указывает на бытование «на рубеже палеолитической и мезолитической эпох на Верхней и Средней Волге, а также в Приуралье населения с общими традициями в расщеплении камня и изготовлении инвентаря», единство которых следует рассматривать в рамках историко-культурной области (Галимова, 2001).

К проблемам генезиса мезолита Пермского Приуралья обращался Г. Н. Матюшин. Исследователь исключал возможность автохтонного развития мезолита Пермского Приуралья на базе местного позднего палеолита, защищая традиционную точку зрения о привнесении микролитической индустрии в этот регион пришельцами с южных территорий Приуралья и Зауралья, которые формировались на основе памятников типа Ильмурзино и Шикаевка.

За последние десятилетия резко пополнилось количество раннеголоценовых памятников с микролитическим инвентарем в Среднем Зауралье, которые, по мнению В. Ф. Старкова и Ю. Б. Серикова формировались на ба-

зе позднепалеолитической культуры типа стоянок Черноозерье II и Гаринская (Старков, 1980; Сериков, 2000).

Интересные материалы получены по раннему мезолиту Удмуртии, где имеются комплексы типа стоянки Архангельское III, которые Г. М. Гусенцова сопоставляет с материалами усть-камской культуры (Гусенцова, 1993).

Глава II. «Геолого-геоморфологические условия расположения памятников финального палеолита и палеогеография Пермского Приуралья» состоит из 2 разделов.

2.1. Палеогеография Пермского Приуралья.

Сложный облик рельефа и природных условий Пермского Приуралья обусловлен длительными геолого-геоморфологическими процессами, протекавшими в глубокой древности. Геоморфологическая обстановка на территории региона оказала сильное воздействие на характер формирования различных природных ресурсов, которые привлекали в его районы древнее население, начиная с эпохи раннего палеолита.

Пермское Приуралье, включая значительные области верхнего и среднего течения р. Камы, протянулось с севера на юг на 600 км, а с запада на восток на 400 км. Западная часть региона расположена на окраине Русской равнины, характеризуясь относительно ровным или слабо-холмистым рельефом местности, а восточная – приурочена к территории западных предгорий Урала, представляющей собой горную местность с сильно развитым карстом. Между ними выделяется переходная холмисто-увалистая полоса Предуралья с сложным рельефом местности.

Долина р. Камы близкая к современной сформировалась во второй половине среднего плейстоцена (Лунев, 1962.). В среднем и позднем плейстоцене в результате палеотектонических движений происходило равномерное повышение всей территории Пермского Приуралья и разобщение Камского речного бассейна от северных рек. Заканчивался этот цикл тектонических процессов выравниванием придолинных понижений и формированием толщи средне-позднеплейстоценового аллювия II надпоймы и пологодофлювиогляциальных отложений (Введенская, Спириин, Болонкин, 1968). С суглинками, перекрывающими толщу отложений II надпоймы связаны находки костей мамонта, шерстистого носорога поздней стадии плейстоцена. На основании изучения разрезов террас в приустьевой части р. Чусовой В.И. Громов отнес ее формирование к рисс-вюрмскому времени (Громов, 1948).

В позднем плейстоцене при относительно слабых палеотектонических поднятиях, деградации ледниковых покровов на северо-востоке Русской равнины начинается формирование фациально дифференцированных толщ I надпойменных террас, завершение образования которых происходит в период раннеголоценовых поднятий, обусловивших создание уступа I надпоймы р. Камы (Горецкий, 1964; Спириин, Шмыров, 1984). Завершение формирования I надпойменных террас речных систем Урала В.А. Лидер относит к концу плейстоцена – началу голоцена (Лидер, 1976).

Важное значение для изучения памятников рубежа позднего плейстоцена и начала голоцена представляет реконструкция климатической и ландшафтной обстановки на территории Приуралья. Наибольший интерес для настоящей работы имеет схема развития растительности в конце плейстоцена – раннем голоцене, разработанная Л.Д. Никифоровой для территории Коми республики, но вполне пригодная для характеристики ландшафтных зон Пермского Приуралья в древности (Никифорова, 1982). В позднеледниковье (14000 – 10300 л. н.) в европейской части Приуралья растительный покров представлял собой сочетание лесных, тундровых и степных сообществ. С этапами межстадиальных потеплений в этот период связано преобладание лесных элементов сосна, береза (беллинг – 13300 – 12400 л. н.), ель (аллеред – 11700 – 11000 л. н.), а в эпоху похолодания, особенно в позднем дриасе (11000 – 10300 л. н.) – тундровые и степные сообщества. В пребореальный период (10300 – 9200 л. н.) отмечается неустойчивость климата выделяются раннебореальное потепление (10300 – 9900 л. н.), аналогичное половецкому потеплению и позднебореальное похолодание (9900 – 9200 л. н.) близкое переяславскому похолоданию. Позднеледниковые интерстадиалы хорошо характеризуются современной зоной средней тайги, когда распространение получают сосновые леса с примесью ели и березы.

2.2. Геоморфология и стратиграфия археологических объектов финального палеолита. Памятники финальнопалеолитического времени по географическому положению на территории Пермского Приуралья в настоящее время можно разделить на 4 группы - чувовская, камско-пожвинская, камско-воткинская, предуральская. В разделе дается геолого-геоморфологическое описание стоянок финального палеолита.

Памятники финального палеолита сохраняют черты геоморфологического расположения, свойственные для более ранних позднепалеолитических памятников Пермского Приуралья. Это проявляется в приуроченности их к устью древних логов и оврагов (Усть-Громотуха, комплекс Усть-Пожва, Рязанов Лог, Баской Лог). Наблюдается расположение памятников конца палеолита в покровных отложениях тыловой части I песчаной надпойменной террасы (Горная Талица, Верхние Гари), на склоновых участках водораздельного плато (Антыбары, Кресты III, Устиново), останцах II надпойменных террас (Окуловский остров I-III). Важным фактом является то, что на ряде памятников, приуроченных к поверхности II надпойменных террас, установлено залегание предметов в оподзоленном пограничном почвенном горизонте, лежащем на плейстоценовых суглинках (комплекс Усть-Пожва, Усть-Сылва), формирование которого, очевидно следует относить к концу плейстоцена.

Слабая изученность верхних покровных отложений II и III надпойменных террас, характерна не только для Пермского Приуралья, но и для всего Прикамья в целом, за исключением приустьевой части Камы и Среднего Поволжья (Г.П. Бутаков, М.Ш. Галимова, В.И. Мозжерин). Плохая сохранность в покровных суглинках и песках пыльцевого спектра, отсутствие фаунистического материала и радиоуглеродных датировок затрудняет хронологиче-

ское восприятие комплексов финального палеолита. Проведенные исследования показали, что каменные изделия усть-камской культуры типа Сюкеевский Взвоз залегают в своеобразном пограничном горизонте нижней части покровных отложений, который, по мнению геологов, занимает стратиграфическую позицию между поздним плейстоценом и голоценом.

Комплексные исследования археологов и геоморфологов Казани с более или менее степенью вероятности позволяют проецировать их выводы на характеристику геолого-геоморфологических условий финальнопалеолитических памятников Пермского Приуралья, которые достаточно близки материалам усть-камской культуры.

Глава III. Материальная культура памятников грани позднего плейстоцена - раннего голоцена Пермского Приуралья. Глава состоит из 4 разделов, в которых приведено описание инвентаря 26 памятников финального палеолита Пермского Приуралья по территориальным группам.

3.1. Инвентарь памятников чувовской группы. Чувовская группа включает 6 археологических объектов финального палеолита. Среди них наиболее представительными коллекциями обладают 3 памятника:

I. Стоянка Горная Талица. На памятнике собрано 3789 изделий. Техника первичного раскалывания основана на призматических нуклеусах, применявшихся для отделения пластин. Пластин в коллекции - 20, 9 %. Соотношение пластин и отщепов в материалах памятника следующее: 30,2 % и 69,8 %. Однако пластины вторичной обработке подвергались значительно чаще – 31,3 % и 1,8 %.

Орудий в коллекции - 7,7 %. Орудий на пластинах произведено 73,5 %), на отщепах – 10 %, на различных сколах, многие из которых, имеют удлиненные пропорции и близки к пластинам – 6,9 %, на фрагментах галек, кусках кремня и плитках - 9,6 %.

Основная категория орудий – пластины с усеченным ретушью концом – 24,5 %. Среди них преобладают косоретушные и поперечноретушенные изделия. Выделяется группа пластин с поперечно-выемчаторетушными концами – 17, 1 %. Среди этих орудий обращают на себя внимание пластины с симметрично усеченными концами напоминающие по облику крупные геометрические формы. Среди пластины с краевой ретушью (17,2 %) выделяются 8 узких пластинок с притупленной спинкой.

Выразительную категорию орудий образуют резцы – 14 %. Ведущую группу среди них представляют боковые ретушные, реже угловые и срединные резцы. Часть изделий оформлялось плоскими резцовыми сколами. Скребок - 6,2 %. Резцово-скребковый достигает индекса 2,9. Обращает внимание большое количество долотовидных изделий (14 %). Оригинальную группу орудий составляют шиповидные предметы. Остальные изделия представлены скошенными остриями, ножами, чопперовидным орудием и обломком тесла с выемками. Интерес представляет плитка из зеленоватого мелкозернистого песчаника с гравированным изображением головы лося.

II. Стоянка Пеньки. На памятнике собрано 243 предмета. Среди нуклеусов преобладают ядрища параллельного принципа скалывания. Пластин в коллекции памятника 34,5 %. Соотношение пластин и отщепов следующее: 60,6 % и 39,4 %. Ножевидные пластины подвергались вторичной обработке в два раза чаще – 32,5 %), чем отщепы – 14,6 %.

Орудий в коллекции – 22,2 %. На пластинах произведено 48,1 %, на отщепах – 33,3 %, на сколах – 3 %, на гальках – 5,6 % орудий. Ведущие категории изделий скребки (44,4 %), пластины и их фрагменты с ретушью (20,4 %), среди которых 2 поперечноретушные пластины. Резцов немного (3 экз.) - угловой многофасеточный, срединный, поперечный). Имеется 1 острие, 2 долотовидных изделия. 2 высоких симметричных трапеции с выемками, бифасиальное и рубящее орудия.

III. Поселение (городище) Усть-Сылва. На памятнике собрано 1548 изделий. Ножевидных пластин в коллекции 30,9 %. Соотношение пластин и отщепов следующее: пластины – 61,6 %; отщепы – 38,4 %. Показатель вторичной обработки пластин и отщепов: пластины – 49,6 %; отщепы – 9,3 %.

Орудий в коллекции памятника – 21,9 %. Они производились на пластинах (68,6 %), на различных сколах (22 %), отщепах (8 %) и на гальках (0,8 %). Самой значительной категорией орудия являются резцы – 27,1 %. Среди них преобладают боковые ретушные – 65,3 %. Интерес представляют 11 многолезвийных ретушных резцов, изготовленный на пластинах с симметрично усеченными концами. Остальные изделия - угловые, срединные, поперечные. Скребок обнаружено 9,4 %. Резцово – скребковый индекс достигает 2,9.

Вторую группу орудий представляют пластины с краевой ретушью – 26 %. Среди них пластины с усеченным ретушью концом – 10,6 %. Имеются 5 ножей и 2 скошенных острия на пластинах. Привлекают внимание 1 наконечник стрелы. Выделяются трапеции с боковыми выемками – 7 экз. (2,1 %).

3.2. Инвентарь памятников камско – пожвинской группы памятников. В состав группы входят 10 памятников финального палеолита. Наиболее представительные коллекции предметов содержат 6 памятников:

I – II. Стоянки Усть-Пожва III – IV. На памятнике выявлено 757 изделий. Индекс пластинчатости материала достигает 14,5 %. Соотношение отщепов и пластин без обработки 75 % и 25 %; включая изделия с вторичной обработкой 75,6 % и 24,4 %.

Орудий в материалах памятника – 13,6 %. Среди изделий с вторичной обработкой ведущее положение принадлежит резцам – 30,1 %. Большинство (75 %) резцов изготовлено на отщепах и сколах случайных форм. Среди орудий выделяются боковые выемчаторетушные и поперечноретушные резцы, поперечные многофасеточные резцы и угловые. Скребок в коллекции 24,3 %. Резцово – скребковый индекс – 1,4. Найдены отдельные выемчатые и долотовидные изделия и острия. Выразительной категорией кварцитовых изделий являются рубящие орудия (унифасиальные топоры и тесла с боковыми выемками).

III. Стоянка Усть-Пожва V. На памятнике обнаружено 735 предметов. Орудия (44,8 %) оформлены на отщепах, на расколотых гальках и бесформенных сколах (29,6 %), на пластинах (21,6 %), на нуклеусах (4 %).

Ведущими категориями инвентаря являются скребки (24 %) и резцы (12 %), среди которых боковые выемчаторетушные, косоретушные, срединные, поперечные, угловые. Резцово-скребковый показатель памятника – 0,5. В инвентаре выделяются высокая симметричная трапеция, долотовидные орудия. Интерес привлекают клювовидные орудия и острия. Среди пластин с вторичной обработкой имеются сечения с поперечной ретушью и 2 пластинки с притупленной спинкой. Выделяются кварцевые рубящие орудия с частичной унифасиальной обработкой поверхности и рабочего лезвия.

IV. Стоянка Горка. На памятнике собрано 522 предмета. Удельный вес ножевидных пластин – 6,1 %. Соотношение отщепов и пластин; 90,4 % и 9,6 %. Уровень вторичной обработки пластин значительно выше (90,7 %), чем отщепов (46,2 %). Орудийный набор, представлен – 40,8 %. На отщепах произведено (65,3 %) орудий, на расколотых гальках и сколах (20,2 %), на пластинах (13,6 %) и на продольных сколах с нуклеуса (0,9 %).

Преобладают скребки (21,6 %) и резцы (12,7 %), среди которых боковые поперечноретушные, косоретушные, выемчаторетушные, поперечные многофасеточные, срединные, угловые. Резцово-скребковый индекс памятника - 0,6. Найдена высокая симметричная трапеция с выемкой и острие на пластине

V. Стоянка Русское Веретье. Коллекция памятник состоит из 1185 предметов. Индекс пластинчатости высок – 25,9 %). Соотношение отщепов и пластин: соответственно 65,9 % и 34,1 %. Однако уровень вторичной обработки пластин выше – 22,8 % и 14,5 %.

Орудий в коллекции – 14,9 %. Среди них на отщепах изготовлено 37,2 % всех орудий, на рассеченных гальках и сколах 32,2 %, на пластинах 30,6 %. Ведущие группы орудий скребки (20,4 %) и долотовидные изделия (20,5 %). Резцов немного – 5,7 %. Среди них косоретушные, выемчаторетушные и поперечноретушные, поперечные и многофасеточные орудия. Резцово-скребковой показатель невысок – 0,3 %.

Привлекают внимание наконечники стрел и их фрагменты. Один из них черешковый близок к аренсбургскому типу. Найдены оригинальные листовидные наконечники на пластинчатых заготовках. Следует отметить 2 скошенных острия и высокую симметричную трапецию с выемками. Среди рубящих орудий - чопперы и унифасиальные тесла.

VI. Стоянка Гарчи II. На памятнике собрано 622 предмета. Пластинчатый индекс – 34,5 %. Соотношение отщепов и пластин: 56,1 % и 43,9 %. Вторичной обработке пластины подвергались намного чаще (16,1 %), чем отщепы (4,8 %). Орудий в коллекции – 9,5 %. Скребков найдено – 6 экз.

Представительную группу изделий составляют резцы - угловые, поперечные, поперечноретушные. Пластины с краевой ретушью – 7 экз. Многие из них покрыты приостряющей ретушью. Привлекает внимание трапеция с вы-

емкой. Имеется представительная группа кварцитовых рубящих орудий в виде массивных унифасиальных топоров и тесел с перехватами.

3.3. Инвентарь памятников камско-воткинской группы. Камско-Воткинская группа включает 8 памятников финального палеолита. Выразительными материалами выделяются 3 объекта:

I. Стоянка Ягодное I. Комплекс каменных изделий памятника состоит из 152 предметов. Нуклеусов – 35 экз. (23 %). Среди ядрищ преобладают нуклеусы параллельного принципа скалывания. Пластин – 20 экз. Они представлены заготовками с неровными, часто расходящимися краями. Орудийный набор стоянки невелик – 7,9 %. Найден 1 боковой косоретушный резец на пластине. Привлекают внимание обломок пластины с выемчатоусеченным ретушью концом и клювовидное орудие «с носиком» на рассеченной гальке. Найдено 3 долотовидных орудия и 2 ножевидных пластины с краевой ретушью. Рубящие орудия представлены теслом с выемками и чоппинговидным изделием.

II. Стоянка Рязановский Лог. Обнаружено 254 каменных изделий. Индекс пластинчатости памятника – 11,4 %. Орудий в коллекции – 12,2 %. Среди них выделяются 3 концевых скребка на пластинах. Резцов в коллекции 4 экз. Два угловых многолезвийных резца на пластинах, один угловой на продольном сколе с нуклеуса и нуклевидный многофасеточный резец. Пластин с ретушью в коллекции 5 экз. Одна пластина имеет поперечное усечение. Выделяется в коллекции скошенное острие.

Выдержанную группу составляют выемчатые орудия на сколах с галек (10 экз.), а также долотовидные изделия на уплощенных или рассеченных гальках (6 экз.). Интересно рубящее орудие с односторонней обработкой рабочего края.

III. Стоянка Кресты II. В ходе раскопок на памятнике было собрано 141 изделие. Орудий в коллекции – 17,9 %. Преобладают долотовидные изделия – 7 экз. Найдено 3 ножа на удлинённых сколах. Выявлено 3 резца – срединный резец, угловой и поперечный на сколе. Скребок на рассеченных гальках в коллекции 3 экз. Привлекают внимание продольное скребло и рубящее чопперовидное орудие. При расщеплении камня обитателями стоянки использовалась техника параллельного снятия заготовок.

3.4. Предуральская группа памятников.

I. Грот Большой Глухой. В пределах слоя святилища найдено 3 кремневых предмета – плитка кремня с негативами от скалывания узких пластин (уплощенный фронтальный нуклеус) и два фрагменты дистальной части пластины из светлого кремня. На предвходовой площадке грота в слое II найдены 2 кремневых предмета – миниатюрный призматический нуклеус и пластина с нерегулярной ретушью. Привлекают внимание костяные изделия. По П. Ю. Павлову, они являются инструментами для обработки шкур животных (Павлов, 1996). В жертвенном комплексе обнаружены две уплощенные миниатюрные бусы из перламутра и костяная подвеска с отверстием в центре. Скудость кремневого материала не позволяет точно определить культурную

принадлежность этого выдающегося жертвенного комплекса, который убедительно датирован гранью плейстоцена и голоцена.

XXVI. Пещера Подземных Охотников (Стадника). В дальнем гроте пещеры был найден костяной составной нож, изготовленный из лучевой кости животного. По центру орудия сделан паз. На одной из граней по рукояти орудия и по краю паза методом гравировки нанесен орнамент в виде зизгага. Паз орудия имеет следы работы каменным резцом. В пазу орудия сохранились четыре удлиненных медиальных сечений ножевидных пластин из сургучной яшмы.

Глава IV. Историческое место памятников финального палеолита Пермского Приуралья в каменного века Волго-Камья и Урала состоит из 3 разделов.

4.1. Особенности материальной культуры памятников финального палеолита в системе каменного века Волго-Камья. Проблемы культурной принадлежности и периодизации.

Технология каменного производства финального палеолита Пермского Приуралья, которую иллюстрируют нуклеусы, базируется на параллельном принципе скалывания ножевидных пластин и удлиненных сколов. Ядрища разнообразны – призматические, торцовые, уплощенные, многоплощадочные. Нуклеусы из грубой кварцитовой породы, которых мало в инвентаре памятников, формировались на основе крупных галек, раскалывававшихся по любой из трех плоскостей. Сработанные экземпляры ядрищ приобретали форму близкую к диску. Несработанные изделия напоминают чопперы или чоппинги. Желваки из кварцитопесчаника чаще применялись для изготовления скребел и рубящих орудий – топоров и тесел.

Индекс пластинчатости каменного инвентаря памятников варьируется от 20 до 35 %. Уменьшение удельного веса пластин на ряде стоянок (2 – 10 %) обусловлено их производственной спецификой. Это характерно для стоянок - мастерских, расположенных близ выходов каменного сырья в виде аллювиального руслового галечника (Усть-Пожва II, V, Горка, памятники камско-воткинской группы). Уровень микролитизации пластинчатых заготовок (ширина до 1 см) наиболее высок на базовом поселении Горная Талица (18 %) и на стоянке Усть-Сылва (25 %).

На памятниках финального палеолита пластины подвергались вторичной обработки намного чаще, чем отщепы: Горная Талица (31,3 % – 1,8 %), Пеньки (32,5 % – 14,6 %), Усть-Сылва (46,4 % – 10,1 %), Усть-Пожва II (29,4 % – 16,8 %), Русское Веретье (22,8 % – 14,5 %).

Для орудийного набора памятников характерны усеченные ретушью пластины, разнообразные резцы - боковые ретушные резцы, иногда с плоскими резцовыми сколами, угловые, срединные, поперечные.

Очень важным показателем является резцово – скребковый индекс, который для стоянок с представительными коллекциями достигает высокого уровня – Горная Талица (2,9), Усть-Сылва (2,9), Усть-Пожва III – IV (1,4). На остальных памятниках резцово-скребковой показатель ниже (от 0,2 до 0,8).

Характерным явлением в орудийном наборе являются унифасиальные рубящие изделия. Выделяются тесла с выемками – перехватами в верхней части. Часто встречаются чопперовидные и чоппинговидные изделия. Признаком, маркирующим культуру финального палеолита Пермского Приуралья, являются 14 трапеций. В количественном отношении среди геометрических изделий преобладают формы с отретушированными выемками.

На ряде памятников имеются специфические серии орудий или единичные уникальные изделия - шиповидные орудия и пластины с притупленной спинкой, единичные наконечники стрел на пластинах, близкие к свидерским и аренсбургским формам, клювовидные предметы.

Самыми близкими к приуральским памятникам по гехнико - типологическим показателям являются стоянки усть-камской культуры Нижнего Прикамья. М.Ш. Галимова, отметив это, в тоже время выступила против расширения ее ареала в сторону Среднего Приуралья. Следует согласиться с М.Ш. Галимовой, что между усть-камскими памятниками и приуральскими материалами есть различия, но они носят, локальный, и, возможно, хронологический характер, так как заключительный период позднеледниковья был достаточно длителен во времени и исследованные памятники Приуралья и Волго-Камья вряд ли отражают все многообразие номенклатуры орудий древних охотников этого периода.

Серьезной проблемой является хронология памятников рубежа позднего палеолита – раннего мезолита Пермского Приуралья. Нерешенные вопросы периодизации памятников эпохи позднеледниковья отличают памятники усть-камской культуры и центральных районов Восточной Европы (Галимова, 2001.; Сорокин, 2006). М. Ш. Галимова приводит двучленную периодизацию усть-камских памятников, основываясь на технико-типологических показателях вещественных комплексов и геолого-геоморфологических условиях расположения стоянок, их приуроченностью к почве, формировавшейся в самом конце валдайского времени.

Приуральские памятники по геоморфологическому положению чрезвычайно близки к усть-камским. Эта близость проявляется приуроченностью площадок стоянок Пермского Приуралья к тыловым участкам I надпоймы, к краям и останцам II надпойменной террасы, к коренным берегам рек. Исключение составляет открытие в регионе памятников на водораздельных пространствах. Определенная геоморфологическая общность проявляется и том, что артефакты, выявленные на памятниках Пермского Приуралья залегают на контакте современной почвы с плейстоценовыми суглинками (Усть-Пожва III, Усть-Сылва, Антыбары). Между ними отмечается оподзоленный слой к средней части и низам, которого и приурочены находки. Скорее всего, данный слой маркирует какую-то реликтовую почву конца плейстоцена (Макаров, 2000). Интересна стратиграфическая ситуация на стоянке Кресты II. Геоморфологическое положение памятника показывает, что в древности стоянка была приурочена к остаточному позднеледниковому озеру, побережье которого древние охотники могли посещать в период одного из подне-

ледниковых потеплений. Два памятника (Горная Талица, Верхние Гари) приурочены к тыловым участкам I надпоймы и относятся ко времени начальной стадии формирования боровых террас на рубеже плейстоцена и раннего голоцена.

Для определения нижней хронологической границы памятников финального палеолита Пермского Приуралья нам крайне интересны исследования, проведенные в карстовых полостях Южного Урала, где получены стратифицированные финальнопалеолитические комплексы пещеры Байсланташ (Акбутинская) в среднем течении р. Белой. Материал памятника характеризуется высоким резцово-скребковым показателем – 2,4. По мнению В.Г. Котова, материалы пещеры Байсланташ имеют близость с приуральскими стоянками поздней поры верхнего палеолита (стоянка имени Талицкого) и финального палеолита (Горная Талица), занимая по технико-типологическим показателям промежуточное положение между ними. Сходство вещественных материалов пещеры Байсланташ с комплексами стоянки Горная Талица отмечается по линии пластинчатого расщепления кремня, наличия микропластинок, в том числе с притупленной спинкой, шиповидных изделий, усеченных ретушью пластин, боковых ретушных резцов, скребел, крупных рубящих орудий. Следует отметить высокое содержание в коллекции изделий из яшмы. Слой, содержащий находки, датирован радиоуглеродным анализом, как минимум беллингом (Котов, 2004). Подобную культурную и хронологическую позицию, по мнению П. Е. Нехорошева и Е.Ю. Гиря, иллюстрируют материалы пещеры Кульюрт-Тамак, также расположенной в бассейне р. Белой.

В свое время В.Т. Петрин отмечал, что вещественный комплекс Игнatieвской пещеры в бассейне р. Белой несомненно близок к памятнику финального палеолита Пермского Приуралья типа стоянки Горная Талица. (Петрин, 1992). Об этом же свидетельствуют новейшие исследования стоянки Игнatieвская II. (Широков, Волков, 2006).

Материалы Южного Урала, имеющие явные общие технико-типологические черты с памятниками поздней поры и финальной стадии палеолита Пермского Приуралья, дают нам основание использовать их стратифицированные и датированные комплексы как определенный хронологический репер. Это позволяет нижнюю дату комплексов финального палеолита приуральских памятников отнести к беллингу. Заключительную фазу финального палеолита ограничивает дата святилища в гроте Большой Глухой – начало пребореала. Таким образом, временной диапазон существования памятников финального палеолита Пермского Приуралья соответствуют одновременным поселениям Восточно-Европейской равнины (Синицина, 2006)

По определенным технико-типологическим показателям одним из ранних памятников может являться стоянка Горная Талица, имеющая явную генетическую близость с поздневалдайскими стоянками южноуральских пещер (пластинки с притупленной спинкой, шиповидные изделия, боковые ретушные резцы, усеченные ретушью пластины, высокий удельный вес резцов в сравнении со скребками, резцово-скребковый показатель свыше индекса 2,

крупные рубящие и скребловидные орудия). Очевидно, что этот памятник относится к беллингу и находится в одном культурно-хронологическом горизонте с материалами пещеры Байсланташ.

Основной пласт финальнопалеолитических стоянок Пермского Приуралья с отдельными геометрическими изделиями и наконечниками стрел (Усть-Сылва, памятники камско-пожвинской группы), вероятно, хронологически сопряжены с поздним дриасом.

4.2. Формы жизнедеятельности и адаптации к природным условиям Пермского Приуралья общин финального палеолита.

Циклические изменения климата и радикальная перестройка структуры ландшафтных зон, которые происходили в Пермском Приуралье в конце плейстоцена и начале раннего голоцена, не могли не сказаться серьезным образом на формировании хозяйственно-жизненного уклада древних общин населения и на их адаптивные возможности в суровых условиях региона. Ввиду этого следует согласиться с теми учеными, по мнению которых, региональное своеобразие тех или иных культур каменного века характеризуется в первую очередь палеоэкономическими условиями жизнедеятельности древних коллективов, создающие определенные формы хозяйственно-культурных типов (Долуханов, 1977; Ермолов, 1985; Ермолова, 1977; Зализняк, 1989; Сорокин, 2006). Условия жизнедеятельности определялись в первую очередь характером природно-территориального комплекса или экосистемы. Именно этот фактор является первичным при формировании и изменчивости культурно-хозяйственных типов в каменном веке (Гладилин, 1974).

Основным промысловым животным на грани позднего плейстоцена – раннего голоцена в северной и центральной зоне Восточно-Европейской равнины становится северный олень. Именно к их миграционным потокам адаптируются группы древних охотников. Однако на территории Пермского Приуралья в этот период явно существовали популяции диких лошадей. Лошадь являлась одним из ведущих объектов в промысловой деятельности населения ранней поры верхнего палеолита (Павлов, 2004). В позднюю пору верхнего палеолита, судя по материалам стоянки имени Талицкого, на первый план в промысловой деятельности выходит северный олень (Щербакова, 1994). Есть все основания полагать, что в финале палеолита охотники на северных оленей Пермского Приуралья попутно продолжало промысел оставшихся популяций диких лошадей, которые могли передвигаться по долине р. Камы или водораздельным пространствам.

Учитывая, что в позднеледниковье в Пермском Приуралье ландшафтные зоны представляли собой сочетание лесных, тундровых и степных сообществ здесь идет дальнейшее развитие хозяйственно-культурного типа охотников на северного оленя, а также, возможно, на бизона и дикую лошадь. В эпоху позднеледниковья в отдельных районах региона существовали различные фациальные системы со свойственным им миром фауны и флоры. При резкой изменчивости природной обстановки в позднеледниковье могли меняться и хозяйственно - культурные типы. Полагать, что в эту эпоху финаль-

ного палеолита на территории Пермского Приуралья располагался ареал деятельности только обществ охотников, специализирующихся на северных оленей, вряд ли оправданно. В периоды потеплений (беллинг, аллеред) в регионе группы охотников могли отходить от постоянного специализированного промысла на северного оленя и ориентироваться на сезонные формы его добычи. Близ зон массовых переправ, где устраивались поковки животных, а также происходила утилизация добытых продуктов промысла, охотники на оленей могли устраивать в долине рек относительно оседлые поселения. В перерывах между этими сезонными циклами массового промысла на северного оленя население обращалась к добыче лося и других видов фауны. В этом отношении нас привлекает чусовская группа памятников финального палеолита, население которой довольно интенсивно осваивало район нижнего течения р. Чусовой, проникая даже в предгорные районы.

Исследования археологов каменного века убедительно показывают наличие различных типов поселения конца плейстоцена – раннего голоцена, что обусловлено их адаптивной взаимосвязью с экосистемой. Разнообразие географической среды или фациальных систем изучаемого региона определяет функционирование памятников различных типов и видов (Сорокин, 1990). Однако следует обратить внимание на то, что не всегда эти объекты могли быть синхронны во времени. Между ними могли располагаться определенные хронологические лакуны в десятилетия или даже в столетия.

Столь значительная варибельность типов памятников каменного века, определяемая цикличной сезонной деятельностью охотников - собирателей, отражается и своеобразной номенклатурой орудий труда и предметов вооружения (Кольцов, 1985). В виду этого памятники одного культурного круга могут иметь столь специфический набор изделий, что могут представляться совершенно инородными или относиться к другому временному диапазону.

Характерно, что в карстовых районах Южного и Среднего Предуралья, начиная с поздней поры верхнего палеолита (Грот Столбовой, Кульюрт-Тамак, Байсланташ) проявляется более развитая микропластинчатая индустрия, чем на открытых береговых стоянках бассейна р. Камы (Котов, 2004; Нехорошев, Гиря, 2004; Щербакова, 2001).

Очевидно, в ареале закрытого горного ландшафта составное охотничье вооружение было наиболее эффективно. Ранняя тенденция микролитизации пластинчатой индустрии и формирование составного вкладышевого вооружения наблюдается в позднем палеолите, именно в горных закрытых ландшафтах Кавказа и Крыма (Рогачев, Аникович, 1984; Бадер, 1984.).

Таким образом, в достаточно продолжительное время (до 2000 лет) в катастрофически изменяющейся экосистеме Пермского Приуралья в периоды позднеледниковья могли функционировать различные культурные хозяйственные типы. В конце плейстоцена сохранялся специализированный промысел на северного оленя, обусловленный передвижением древних охотником за мигрирующими стадами. Однако, в периоды климатических позднеледниковых потеплений (беллинг, аллеред) с появлением лесных формаций в эко-

системе региона человеческие коллективы переходили в сторону смешанного оседло-кочевого образа жизнедеятельности, занимаясь промыслом оленей в период сезонных миграций весной и осенью. В остальные времена года люди, обращались к охоте на традиционную лесную фауну. Кстати, именно в позднеледниковье, с появлением лесных формаций, появляются ранние рубящие орудия – топоры и тесла с односторонней обивкой с перехватами и без перехватов.

4.3. Вопросы формирования и развития культуры финального палеолита в Пермском Приуралье. Проблема генезиса камского мезолита.

Выявленные за последние три десятилетия на обширной территории Пермского Приуралья памятники каменного века, которые по геолого - геоморфологическим условиям и облику инвентаря относятся к финальному палеолиту, позволяют заполнить ту хронологическую лакуну между палеолитом и мезолитом, которую в свое время О.Н. Бадер определял в качестве гипотетического «доогурдинского» этапа (Бадер, 1963).

Состояние современных источников позволяет утверждать, что именно носители культуры типа стоянки имени Талицкого стояли у истоков сложения финальнопалеолитической культуры в Пермском Приуралье. В материальной культуре стоянки имени Талицкого имеются достаточно таксономических признаков, которые находят отражение в материалах памятников финального палеолита Пермского Приуралья – пластины с притупленной спинкой, шиповидные изделия, грубые рубящие орудия, грубопризматические, торцовые и уплощенные нуклеусы с параллельным принципом скалывания, пластины с выемчатым усечением, мелкие долотовидные орудия. Следует отметить, что техника усечения пластин характерна и для материалов Медвежьей пещеры, которая по радиоуглеродным данным относительно синхронна стоянке имени Талицкого. Исследователи отмечают то, что по многим технико-типологическим показателям памятники стоянка имени Талицкого и Медвежья пещера близки между собой (Щербакова, 2001; Павлов, 2002.). Отдельные усеченные ретушью пластины и ретушные резцы выявлены в позднепалеолитическом комплексе Ганичата III. Таким образом, важный таксономический признак каменной индустрии финального палеолита, как усечение пластин ретушью, начинает формироваться в Среднем и Южном Приуралье уже в поздневалдайское время.

Связующим звеном между стоянками имени Талицкого, южноуральскими пещерами Байсланташ, Кульюрт - Тамак, стоянками Игнatieвская II, Горная Талица является высокий удельный вес в инвентаре изделий из яшмы, что может свидетельствовать о сохранении определенных, возможно, сакральных традиций по отношению к этому минеральному сырью в позднюю и заключительную пору верхнего палеолита Приуралья. Таким образом, традиции изготовления орудий из яшмы в Пермском Приуралье явно привнесена. Древнее население региона осуществляло сезонные миграции в область Южного Приуралья, где имеются значительные месторождения этого качественного минерального сырья.

Очень важным вопросом в определении истоков культуры финально-палеолитического населения Пермского Приуралья является вопрос о генезисе симметричных и асимметричных трапеций с боковыми выемками в ее материалах.

В свое время Г.Н. Матюшин рассматривал появление одиночных выемчатых трапеций в мезолите Пермского Приуралья как отражение событий, связанных с проникновением в регион населения из ареала южноуральской янгельской культуры (Матюшин, 1985). Положение об автохтонном происхождении трапеций с боковыми выемками в финальном палеолите Волго-Камье защищает М. Ш. Галимова (Галимова, 2001). В последнее время М. Ш. Галимова, учитывая вариабельность типов геометрических изделий в усть-камской и зимниковской культурах (Днепро-Донецкий регион) склонилась к выводу о том, что генезис этих орудий следует выводить из традиций культур с геометрическими микролитами Передней Азии.

Нам более приемлемо положение исследователей, занимающихся проблемами финального палеолита центральных областей Восточно-Европейской равнины, которые рассматривают генезис трапеций как самостоятельное явление в недрах постаренбургской общности под влиянием природных и социально - экономических факторов.

В этом аспекте возникает, как и у памятников усть-камской культуры, проблема взаимоотношений культуры финального палеолита Пермского Приуралья с иеневской культуры Волго-Окского бассейна. Между этими двумя удаленными культурами системами есть близкие технико-типологические стороны – типы трапеций, унифасиальные топоры и тесла с перехватами, отдельные наконечники стрел аренбургского и свидерского облика.

Появление подобных маркирующих изделий достаточно трудно объяснить как автохтонным происхождением, так и миграциями. На территории Пермского Приуралья, находящейся на окраине Русской равнины, в период позднеледниковья окончательно сформировался, как и в центральных областях Восточной Европы, хозяйственно-культурный тип специализированных охотников на северных оленей, генезис которого отмечается уже в материалах поздней поры приуральского палеолита (Медвежья Пещера, стоянка имени Талицкого). В связи с этим на обширных равнинных пространствах Восточной Европы складывались финальнопалеолитическая общность с общими маркирующими признаками и выводить происхождение той или иной культуры из восточных или западных областей ее ареала на наш взгляд не продуктивно.

Таким образом, в своей основе финальнопалеолитическая культура Пермского Приуралья формировалась на базе местных уральских памятников типа стоянки Талицкого, носители материальной культуры которой явно специализировались в промысловой деятельности на северного оленя. Определенные эволюционные изменения в каменной индустрии в сторону появления характерных черт финального палеолита (высокий удельный вес пластин в инвентаре, ретушные резцы, резцово-скребковый индекс, усечение

ретушью пластин) иллюстрируют памятники Южного Урала, которые, по справедливому мнению исследователей, занимают по технико-типологическим признакам промежуточное хронологическое положение между стоянками имени Талицкого и Горная Талица. Ближе к концу плейстоцена на территории Пермского Приуралья сформировался своеобразная провинция обитания древних охотников на северных оленей, в культурном и социально-экономическом плане, тяготеющая к ареалам синхронных культур Восточной Европы.

В пребореальный период на территории Пермского Приуралья начинает формироваться камская мезолитическая культура. Ранний этап мезолитической культуры Пермского Приуралья представлен памятниками типа Огурдино, которые отражают процесс эволюции финальнопалеолитической культуры Пермского Приуралья в культуру камского мезолита с стандартным микролитическим инвентарем

В **заключении** подводятся итоги исследований, обобщаются выводы, представляются нерешенные проблемы финального палеолита Пермского Приуралья, намечаются задачи дальнейшего его изучения.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Мельничук А.Ф. Исследования каменного века // АО 1983. М., 1985. С. 154-155 (в соавторстве с С.Н Коренюком.).
2. Мельничук А.Ф. Исследования в Пермском Приуралье // АО 1984. М., 1986. С. 125-126 (соавторстве с Б.И Гуслицером., П.Ю. Павловым).
3. Мельничук А.Ф. Работы на водохранилищах Пермского Приуралья // АО 1985. М., 1987. С. 193-194 (в соавторстве с В.П. Мокрушиным).
4. Мельничук А.Ф. Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртского Прикамья. Ижевск, 1987. С. 5-18 (в соавторстве с П.Ю. Павловым).
5. Мельничук А.Ф. Новые материалы мезолитического Огурдинского поселения // СА. № 4. 1989. С. 244-249.
6. Мельничук А.Ф. Огурдинское поселение и его место в мезолите Приуралья // Проблемные вопросы истории, культуры, образования, экономики Северного Прикамья. Березники, 1994. С. 16-17 (в соавторстве с А.В Волокитиным., Е. Л Лычагиной.).
7. Мельничук А.Ф. Горная Талица // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 155.
8. Мельничук А.Ф. Культура населения Среднего Приуралья на грани позднего плейстоцена - раннего голоцена в каменном веке Восточной Европы // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск, 1999. С. 31-32 (в соавторстве с Э.Ю. Макаровым).

9. Мельничук А.Ф. Кварцитовые рубящие орудия в мезолите Среднего Приуралья //Оборинские чтения. Вып. I. Пермь, 2000. С. 8-9 (в соавторстве с Э. Ю. Макаровым).

10. Мельничук А.Ф. О.Н. Бадер и изучение камского мезолита // Международное (XVI Уральское) совещание. Тезисы докладов. Пермь, 2003. С. 20-21 (в соавторстве с Э.В. Чуриловым).

11. Мельничук А.Ф. Жертвенное место в пещере Подземных охотников (Стадника) // Культурные памятники Горно-Лесного Урала // Екатеринбург, 2004. С. 272-273. (в соавторстве с Е.П Близнецовым).

12. Мельничук А.Ф. Жертвенное место в гроте Большой Глухой // Культурные памятники Горно-Лесного Урала. Екатеринбург, 2004. С. 273 (в соавторстве с П.Ю Павловым., Д.А.Изосимовым).